

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 9

Часть 1. Между молотом пуризма и наковальной анархии: споры о современном русском языке

Глава 1. Язык — свод правил или живая система? 15

Глава 2. В Выхино или в Выхине? Разбираемся, почему
слова перестают склоняться 31

Глава 3. Заимствования — зло или обогащение языка? ... 47

Глава 4. Сленг — норм тема или отстой? 62

Глава 5. Эмодзи, олбанский и отмена знаков препинания:
интернет убивает язык? 76

Глава 6. Черное кофе, дóговор, звóнит — так ли это
безграмотно и что произошло с этими словами
в 2009 году? 92

Глава 7. «Эй, Вы! Я извиняюсь. Присаживайтесь кушать»:
как остаться вежливым и не попасть впросак. 112

Глава 8. Фотографка, блогерша, врачиня: феминитивы —
издевательство над языком или необходимость? 153

Резюме 193

Часть 2. Ученые VS лингвофрики: споры о прошлом русского языка

10 признаков лженаучных теорий о языке	197
Миф первый. Невероятные истории слов	219
Миф второй. Русский язык — самый древний, и даже этруски — русские	233
Миф третий. До Кирилла и Мефодия существовала совершенная славянская письменность	253
Миф четвертый. В буквах алфавита зашифровано послание	274
Миф пятый. Страшная приставка <i>бес-</i>	284
Миф шестой. Первый блин — комам	292
Миф седьмой. Иван-другак и Баба-Йога	301
Миф восьмой. Бога стырил богатырь	310
Резюме	323
Послесловие	326
Благодарности	327
Дополнительные источники и материалы по темам книги	329
Краткий обзор лучших этимологических словарей	333
Примечания	335
Алфавитный указатель	365

***ҶелНә ветей ҶаҶун кәһлә
қалай палһл-қл на ветә
ся да Ҷа-қл Ҷеја Ҷәлә
ја-қо pele Ҷуба вете*.
В. М. Иллич-Свитыч¹

Перевод:

*Язык — это брод через реку времени,
Он ведет нас к жилищу ушедших;
Но туда не сможет прийти тот,
Кто боится глубокой воды.*

---

* Если попытаться записать текст кириллицей, он будет выглядеть примерно так:

Келхэ ветей 'акун кәхла
Калай палха-ка на ветә
Ся да 'а-ка 'ейа 'әлә
Йа-ко пеле туба вете.

Предисловие

Стихотворение, которые вы только что прочитали, гипотетически могло быть написано 11 тысяч лет назад.

Но на самом деле написал его выдающийся русский лингвист В. М. Иллич-Свитыч и сделал это на праностратическом языке, над реконструкцией которого он работал. Праностратический язык — это предполагаемый предок *индоевропейских** (и русского в их числе), уральских, алтайских и, возможно, ряда других языков.

Эта книга — попытка пройти через реку времени и взглянуть на сегодняшние острые языковые вопросы с того берега, показав, насколько язык красив и изменчив.

Первая часть книги посвящена **спорам о современном русском языке**. Мы обсудим основные триггеры, которые «режут слух» современным *пуристам*, т. е. борцам за воображаемую «чистоту» языка (по-французски *pur* — «чистый»), и посмотрим на языковые явления объективно:

— «*Звóнит*», «*вкусное кофе*», «*присаживайтесь*», «*извиняюсь*»... Правда ли, что это вопиющая безграмотность?

— *Феминитивы* — языковое уродство или необходимость?

---

* Здесь и далее полужирным курсивом отмечены слова, выражения и имена, которые вы найдете в конце книги в алфавитном указателе.

— «Лол», «кек», «норм»: издевается ли молодежь над великим и могучим?

— Зачем нам «кейсы», «дедлайны» и «мастхэвы»? Неужели своих слов не хватает?

— *Щитают* ли лингвисты, что язык в интернете *каг-бэ* деградирует?

Не стоит ждать от первой части книги поучений вроде «Надо говорить *“договóр”*, а не *“дóговор”*; *“кушают”* только дети — и никак иначе; дома только *“убирают”*, а *“убирают-ся”* — вон!». Моя цель — не научить, «как правильно», а показать, насколько сложно втиснуть язык в рамки непреложных законов и единственно верных вариантов. Но не ждите и восторга по поводу грубых ошибок и нарушений языковой логики, ведь они далеко не всегда продиктованы естественным изменением языка. Иногда ошибки — это действительно просто ошибки, и лучше их не допускать, чтобы быть правильно понятым.

Крайности и радикализм — то, чего мне хотелось бы избежать, и первая часть книги — поиск той самой золотой середины между языковым снобизмом и оправданием неграмотности.

А чтобы объяснить, как складывались современные языковые нормы, мне нужно будет часто обращаться к истории языка: например, рассказать, что губами раньше называли грибы, что сарафан, изба и хлеб — заимствованные слова и что у школьников XIX века был не менее изощренный жаргон, чем у современных.

Вторая же часть книги посвящена **спорам о прошлом русского языка**. В ней я буду отвечать уже не пуристам, а так называемым *лингвофрикам* — людям, которые придумывают и распространяют весьма занимательные, но совершенно не-

научные мифы о языке. Правда ли, что «*бистро*» — от русского слова «быстро»? Относили ли наши предки первый блин «*комам*» — медведям? Зашифровали ли *Кирилл и Мефодий* послание славянам в алфавите? Ответ-спойлер: «Нет!»

Многие спросят: «А судьи кто? Кем возомнил себя автор, чтобы критиковать известных альтернативных деятелей и объяснять, как нужно изучать язык?»

Отвечу: никем не возомнил. Я (в отличие от лингвофриков) не буду заявлять о собственных новых открытиях. Я лишь изложу мнение научного сообщества о «трудах» лингвофриков, опираясь на уже сформулированные до меня постулаты и подтверждая свои слова ссылками на научные работы.

Но показывать ошибочность лженаучных теорий, не предлагая ничего взамен, — сомнительная затея. Поэтому мы снова вместе пройдем через реку времени и даже получим представление об основах сравнительно-исторического языкознания, чтобы узнать истинное прошлое языка: как он возник, какова история славянской *письменности*, какое происхождение у слов и фразеологизмов на самом деле.

Итак, для кого эта книга?

— Для тех, кому интересен настоящий язык, а не стереотипы и мифы о нем.

— Для тех, кто хочет научиться аргументированно отвечать на придирки пуристов и поучения лингвофриков.

— Для самих пуристов, лингвофриков и им сочувствующих. Может быть, книга поможет если не отказаться от своих убеждений, то хотя бы о них задуматься.

Надеюсь, вы, читатели, не боитесь глубокой воды.

ЧАСТЬ 1

**Между молотом пуризма
и наковальной анархии:
споры о современном
русском языке**

Глава 1

ЯЗЫК – СВОД ПРАВИЛ ИЛИ ЖИВАЯ СИСТЕМА?

Если спросить школьника, что такое русский язык, он, скорее всего, ответит примерно так: «Это такой урок, где нужно зубрить правила».

Ответ закономерный: школьный предмет под названием «Русский язык» — это действительно изучение главным образом *орфографии* и *пунктуации*, то есть правил, необходимых для того, чтобы оформлять письменную речь грамотно. Историю же языка — его становление, происхождение слов, изменение *грамматики*, даже формирование тех самых правил — почти не рассматривают ни в школе, ни в вузе (за исключением профильных факультетов).

А еще на уроках русского языка мы привыкаем к простым ответам. Сами вопросы, которые рассматриваются в школьном курсе, предполагают именно их. Ну правда, нельзя же вставить разные буквы на место пропуска в слове «обл...ко». И крайне редко встречаются предложения, где знаки препинания допустимо поставить и так и эдак: обычно правильный ответ только один.

За одиннадцать школьных лет у нас формируется установка: все, что связано с языком, должно уместиться в рамки точных и строгих алгоритмов, несоблюдение которых карается двойкой и порицанием. И бывает очень трудно отойти от

этого стереотипа, когда мы сталкиваемся с куда более сложными и менее однозначными вопросами ударения, словоупотребления, стилистики. Нам кажется, что и здесь должны быть четкие «правильно/неправильно»: не «звóнит», а только «звонít»; не «убираться», а «убирать»; «кофе» — только «он»...

Так и возникает представление о том, что есть какой-то «идеальный» язык, который ни в коем случае нельзя «портить», и состоит он из раз и навсегда установленных — и однозначных — правил. И что узнать этот язык, постичь все его глубины — значит выучить наизусть справочник Розенталя. Ведь именно он, справочник Розенталя, — эталон языка в палате мер и весов, и поэтому его нужно беречь как зеницу ока и охранять от любых изменений. Так в соцсетях и набирают тысячи лайков и комментариев посты с заголовками вроде «Какие слова вас бесят?» или «10 смертных грехов устной речи».

Но к лингвистике такой взгляд отношения не имеет.

Любой лингвист знает, что орфография и пунктуация — это искусственно созданные способы оформления устной речи на письме. Первичная же и по-прежнему главная форма существования языка — устная. Все мы сначала учимся говорить и только потом — писать; языки тысячелетиями существовали без письменности, а многие обходятся без нее до сих пор. И если письменную речь довольно легко ограничить рамками строгих норм и правил, то с речью устной это сделать куда сложнее. И устная форма бытования языка диктует одно из основных его свойств — изменчивость.

Да, изменчивость — совершенно нормальная черта любого живого языка. Как любят повторять лингвисты, не меняются только мертвые языки — то есть те, на которых уже давным-давно никто не говорит. Но русский язык к ним явно не относится, а потому в первой главе я предлагаю посмотреть на него как на живую систему — и убедиться, что он не муха в янтаре.

ДЕСКРИПТИВИЗМ И ПРЕСКРИПТИВИЗМ

Существует два основных подхода к языку — прескриптивный (от лат. *prescriptio* — «предписываю») и дескриптивный (от лат. *descriptio* — «описываю»).

Прескриптивизм — подход к языку, который ставит во главу угла фиксацию языковых норм и требование их исполнения. Он часто идет рука об руку с **пуризмом** — стремлением сохранить «чистоту языка», защитить его от всего нового: заимствований, **сленга**, **неологизмов*** и любых других изменений.

Но в современной лингвистике ведущим стал другой подход — дескриптивный, которого стараюсь придерживаться и я.

Дескриптивизм — это описание реальной языковой практики без пренебрежения к естественным изменениям языка, даже выходящим за рамки действующей литературной нормы. Дескриптивная лингвистика — это ответ не на вопрос «как надо?», а на вопросы «что это?» и «почему так?».

При этом языковые нормы, конечно, не бесполезны.

В определенных дозах и без перегибов прескриптивизм делает важное и нужное дело: он не дает языку развиваться слишком быстро. Зачем это нужно? Все просто: благодаря замедлению языкового развития мы можем читать тексты даже двухсотлетней давности без особых проблем. Да, значения отдельных слов мы можем не понимать, но общий смысл текста обычно оказывается ясен. Если бы не правила и необходимость им следовать, мы не смогли бы так легко прочесть **Пушкина**, ученым было бы сложнее разобраться в старых научных статьях, а историкам — расшифровать документы.

Еще одна важная роль прескриптивного подхода состоит в том, что он экономит нам силы и время. Представьте себе, если бы ведущие новостей говорили с диалектными особен-

---

* **Неологизмы** — слова или словосочетания, недавно появившиеся в языке.

ностями, с множеством ненормативных ударений, своеобразных синтаксических конструкций — причем у всех они были бы разными. Мы бы тратили много усилий, чтобы «подстроить уши» под каждого ведущего, и это отвлекло бы нас от информации, которую они транслируют. Все же нельзя отрицать, что языковой стандарт в некоторых сферах жизни действительно необходим.

Кроме того, не стоит умалять труд *лексикографов** и думать, что они игнорируют живую речь и составляют словари в соответствии с личными представлениями о прекрасном. Лексикографы (во всяком случае, добросовестные) не сочиняют нормы, а лишь фиксируют их, анализируя речь и записи грамотных людей. Но работа над словарем — долгий, кропотливый труд, который иногда растягивается на десятилетия. И именно поэтому словарные фиксации порой отстают от реальной жизни.

Потому что язык меняется и развивается, а вместе с ним и языковые нормы.

То, что раньше считали ошибкой, со временем вполне может стать нормой — настолько, что мы даже не догадываемся, что когда-то слово или выражение звучало иначе.

Например, «*сентябрь*» и «*февраль*» когда-то звучали как «*септябрь*»² и «*феврарь*»³, ведь это заимствования, восходящие к латинским *september* (от лат. *septem* — «семь», т. к. год в Риме начинался с марта и сентябрь был седьмым по счету месяцем) и *februarius* (лат. «очистительный»: в феврале римляне приносили очистительные жертвы). А современные формы наши предки воспринимали, вероятно, примерно так же, как сейчас мы относимся к «*транваю*» вместо «*трамвая*» или «*салафановому*» вместо «*целлофанового*». Собственно, для

---

* Лексикограф — ученый, занимающийся составлением словарей; специалист в области лексикографии — теории и практики составления словарей.

известного поэта XVIII века *А. П. Сумарокова* слова «*февраль*» и «*пролубь*» были одинаково неправильными: «*Февраль*» и «*пролубь*» говорим мы вместо «*феврарь*» и «*прорубь*» от порчи картавыми и подражающими всему тому, что новое, хотя оно и неправильно»⁴.

Сложно представить, но когда-то «*тарелка*» была «*талеркой*» (от средневерхненемецкого *talier* с тем же значением)⁵, «*ладонь*» — «*долонью*» (сравните с «*дланью*»)⁶, а «*сыворотка*» — «*сыроваткой*» (от слова «сыр»*)⁷. В этих словах произошла перестановка согласных, связанная, видимо, с удобством произношения, — или, по-научному, *метатеза*. Ровно тот же процесс произошел позже в диалектных «*тверёзый*» («*трезвый*») или «*ведмедь*» («*медведь*»), но они в норму уже не вписались. А ведь, если подумать, они ничем не хуже!

И по сей день существует немало употреблений, которые часто воспринимаются как ошибочные или странные, но на самом деле принадлежат к действующей строгой литературной норме, зафиксированной в словарях. Например, многие читатели сейчас удивятся, но с точки зрения норм верно спрашивать не «*До сколькí работает магазин?*», а «*До скóльких работает магазин?*», не «*Сколькí рабочим нужно выплатить зарплату?*», а «*Скóльким рабочим нужно выплатить зарплату?*», потому что слово «*сколько*» должно склоняться: «*скóльких*», «*скóльким*», «*скóлькими*».

Или вот еще показательный пример: большинство говорит «*власть предержажие*», где «*власть*» стоит в винительном падеже («*предержажие (что?) власть*»). Но согласно словарям верно только «*власти предержажие*», где «*власти*» стоят в именительном падеже («*власти (какие?) предержажие*»). И в выражении должны склоняться оба слова: «*властям предержажим*», «*властей предержажих*», «*о властях предержажих*».

---

* Слово «сыр» раньше имело значение «творог», и до сих пор изделия из творога мы называем «сырниками» и «творожным сырком».

Почему так? Дело в том, что одно из значений устаревшего слова «*предержащие*» — «обладающие силой, господствующие»; оно и присутствует в крылатой фразе. А сама фраза — цитата из библейского послания апостола Павла к Римлянам, 13 глава которого по-церковнославянски открывается фразой **Всѣа душа властемъ предержащымъ да повинѣтсѧ**. Но значения глагола «*предержать*» уже никто не помнит, Библию теперь тоже мало кто изучает, поэтому фраза явно трансформируется — возможно, еще и под влиянием выражения «*власть имущие*».

Я рассказываю об этом не для того, чтобы срочно научить вас, как правильно. Нет, я просто хочу показать, насколько условна и изменчива литературная норма⁸.

Полагаю, еще больше вас удивит, что большинство даже современных словарей предписывает говорить «*ворожсея*», а не «*ворожэя*», «*стопы*», а не «*стóпы*» (в значении «нижняя часть ноги»), «*куркума*», а не «*куркума́*», «*осведомиться*», а не «*осведомѣться*», «*кровоточить*», а не «*кровотóчить*», «*сорвало*», а не «*сорвалó*», «*разниться*», а не «*разнѣться*»...⁹ Этот список «странных» ударений можно продолжать долго¹⁰.

Некоторые прескриптивисты строят вокруг знания этих норм всю свою деятельность. Хотите вести популярный блог или ютуб-канал о русском языке? Ловите инструкцию: возьмите орфоэпический словарь, найдите в нем странные ударения, а потом начинайте поправлять тех, кто говорит иначе, — то есть почти всех. Но акцент лучше сделать на известных людях: так вас быстрее заметят. Не забудьте рассказать, какие они тупые и безграмотные, как они издеваются над русским языком и как вас это бесит. Bravo, вы великолепны.

Радикальные прескриптивисты считают, что говорить нужно только в соответствии со строгой словарной нормой, даже если ее уже не соблюдает почти никто. Зачем? Чтобы сохранить тот самый эталон русского языка — ведь если он

изменится, то пошатнется одно из их базовых представлений о мире.

Когда прескриптивизм становится воинствующим, когда пуристы агрессивно исправляют чужие ошибки и ставят клейма «тупой» и «деревенщина» на тех, кто осмелился нарушить предписание словаря или не знать, как правильно — «*плесневёлый*» или «*плёсневелый*», ничего хорошего из этого не выходит. Такого рода прескриптивизм не только провоцирует нетерпимость и агрессию, но и уничтожает представление о языке как об очень сложной и постоянно развивающейся системе, которую невозможно втиснуть в строгие рамки и законсервировать. Кроме всего прочего, пуризм убивает интерес к языку, сводя его изучение к бездумной зубрежке.

И да, по словарям правильно «*плёсневелый*». Вы можете это произнести? Лично я — с трудом.

Но недавно стало модным противоположное прескриптивизму движение: появились борцы, которые выучили это красивое слово (правда, не все удосужились запомнить, как оно правильно пишется) и стали пропагандировать языковую анархию. И они, надо сказать, бывают даже агрессивнее, чем *граммар-наци*. Стоит лишь заговорить о правилах или нормах (не поправить кого-то — боже упаси! — а просто начать об этих правилах рассказывать), как в ответ приходит: «Далой пресректевизм! Как я говарю, так и праильно!» Ошибок, с точки зрения таких борцов с прескриптивизмом, не бывает вовсе, а значит, абсолютно все, что не соответствует нормам, можно оправдать изменением языка.

Такой подход, конечно, тоже сложно назвать адекватным. И эти люди — явно не дескриптивисты, как они привыкли о себе думать.

На самом деле прескриптивизм и дескриптивизм — не полностью противопоставленные понятия. Это просто разные подходы, рассмотрение языка с разных точек зрения —

но если в них нет радикализма, они вполне могут мирно сосуществовать.

Дескриптивизм — не отрицание норм и не позволение «говорить и писать как вздумаецца». Это описание языка таким, какой он есть, — в том числе его норм, потому что они тоже есть. Но дескриптивиста интересует не только и не столько сама норма, а то, как она складывалась, по каким причинам появилась и как может измениться.

Дескриптивизм — это не ликование по поводу любых ошибок («болиелимение», «кокошин эль»*) или новообразований вроде «*доброто времени суток*» или «членкиня». Потому что дескриптивист приветствует развитие языка (естественное, системное, соответствующее языковой логике), а не навязывание ему определенной *лексики* или правил употребления в угоду общественной повестке или извращенным представлениям об этикете.

Насильно внедрять в язык искусственно созданные новшества ничем не лучше, чем принуждать к соблюдению уже отживших свой век норм.

Агрессивные борцы с прескриптивизмом смотрят на язык очень плоско. «Свёрлит» и «*платье в поедках*» для них — ошибки одного толка. «Раз уж лингвисты говорят об оправданности пока еще не нормативного ударения “свёрлит”**, значит, и “*пайетки*” можно заменить “*поедками*», — рассуждают они. Такие люди представляют себе язык как идеально ровную стену из одинаковых кирпичей, каждый из которых можно легко заменить.

На деле же это не так, и ошибка ошибке рознь. Нужно понимать, что язык неоднороден и нестабилен — и дескриптивный

* Расшифровка: «более или менее», «Коко Шанель».

** Об этом подробнее в главе 5.

подход это учитывает. Скорее язык можно сравнить с очень сложным, монументальным архитектурным сооружением, много раз перестраивавшимся, сделанным из разных материалов, где-то обветшавшим и с облупившейся штукатуркой, а где-то с еще не засохшей свежей краской. И все же прекрасным.

КАК МЕНЯЕТСЯ ЯЗЫК

Какие-то нормы меняются довольно быстро, какие-то крайне медленно. Одни области языка более консервативны, другие постоянно обновляются, поэтому нельзя оценивать нарушения разных норм одинаково: объяснять все ошибки развитием языка или же, наоборот, считать, что любые отклонения от нормы как-то портят русский язык.

Давайте посмотрим на разные области языка и на то, как они менялись и продолжают меняться.

Очень быстро трансформируются некоторые области *лексики*.

Да, есть базисная лексика (слова вроде «я», «ты», «мать», «отец», «земля», «вода», «новый», «хороший», «дышать», «ходить» и т. п.), которая, как правило, не меняется тысячелетиями (разве что немного трансформируется в произношении). Но в язык постоянно приходят заимствования и неологизмы, да и значения привычных слов могут измениться. Знаете ли вы, что «*амбициозный*» человек даже в современных толковых словарях определяется как чрезмерно самолюбивый, чванный, спесивый и использовать это прилагательное в качестве нейтральной или положительной характеристики с точки зрения строгой нормы нельзя? Догадываетесь ли, что «*одиозный*» — это не харизматичный, яркий, необычный, эпатажный, а крайне неприятный (от фр. *odieux* «отвратительный»)? А «*нелицеприятный*» — вовсе не неприятный, а объективный, беспристрастный? Но это не значит, что если вы употребляе-

те эти слова не в том значении, которое предписано справочниками, то совершаете преступление против русского языка. Нет — просто их значение меняется на наших глазах, и словарям нужно время, чтобы это зафиксировать.

Если вы замечаете у себя симптомы языкового пуризма, рекомендую почитать старые словари.

Возьмем, к примеру, «Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи» **В. Долотчева** (1909 г.)¹¹ — и обнаружим, что еще сто лет назад ошибочными считались такие привычные нам слова, как «*блузка*» (следовало говорить «*кофточка*»), «*диспут*» (вместо него нужно употреблять «*спор*»), «*каллиграфия*» (нужно говорить «*чистописание*»), «*кулинарный*» (лучше использовать «*поварской*»), «*моментально*» (следует заменить на «*тотчас*», «*вмиг*»), «*постелить*» (лучше говорить «*постлать*»), «*профессия*» (только «*занятие*» или «*ремесло*») и многие, многие другие. Но теперь мы пользуемся этими словами совершенно спокойно.

Еще больше удивительных норм можно обнаружить в словаре «постарше» — «Справочное место русского слова»¹² **А. Н. Греча**, изданном в 1843 году. Если бы автор попал на машине времени в 2023 год, он бы, скорее всего, решил, что русский язык мы с вами безнадежно испортили и что современные нормы (те самые, которые сейчас отстаивают пуристы) — на самом деле ужасные ошибки.

В 1843 году было правильно говорить и писать*:

- «*азардный*», а не «*азартный*»;
- «*азиятский*», а не «*азиатский*»;

---

* Чтобы не утруждать читателей, здесь и далее я буду приводить цитаты в современной орфографии там, где орфография непринципиальна.

— «*волкан*», а не «*вулкан*»: «*вулкан*» — это имя мифологического персонажа, а вулкан-гору нужно было писать через «*о*»;

— «*гас*», а не «*газ*»: «*газом*» можно было назвать только прозрачную ткань, а воздухообразное вещество — это только «*гас*», поэтому и освещение могло быть лишь «*гасовым*»;

— «*дира*», а не «*дыра*», ведь слово родственно глаголам «*отдирать*», «*задирать*»;

— «*корридор*», а не «*коридор*», ведь в иностранных языках оно пишется с двумя «*р*»;

— «*мятель*», а не «*метель*»;

— «*надобно*», а не «*надо*»: «*надо*» может быть использовано только как вариация **предлога** «*над*» в контекстах вроде «*надо мною*», а говорить «*надо учиться*» — неграмотно, следует использовать только конструкцию «*надобно учиться*»;

— «*наизуст*», а не «*наизуть*», ведь наречие образовано от слова «*уста*»;

— «*номер*», а не «*номер*»: с буквой «*о*», по мнению Греча, слово стало писаться из-за знака № — но это всего лишь сокращение от латинского *numero*, поэтому и в «*номере*» буква «*у*» должна сохраняться;

— «*оплетать*» (еду), а не «*уплетать*»: «*уплетать*» могло значить только «*уходить*», «*удаляться*»;

— «*отверзтие*», а не «*отверстие*», ведь слово родственно глаголам «*отверзать*», «*разверзаться*»;

— «*пастет*», а не «*паштет*»: видимо, Греч рекомендует такое написание потому, что слово происходит от немецкого *Pastete*;

— «почтилион», а не «почталион» (варианта «почталъон» Греч даже не приводит): скорее всего, такое написание обусловлено немецким *Postilion*;

— «рjахнутья», а не «рехнутья»;

— «стекляный», а не «стеклянный» (Какое еще исключение? Зачем фиксировать безграмотность? [это сарказм, если что]);

— «стора», а не «штора», потому что это заимствование из *французского store*;

— «ухищряться», а не «ухитряться»;

— «юпка», а не «юбка», ведь слово заимствовано из польского, где была *jurka* — производное от *юра* («женская кофта, куртка»). У этого слова вообще очень интересная история: оно восходит через посредство европейских языков к арабскому «джубба» (разновидность традиционной одежды). От него же произошли «жупан», «зипун» и «шуба»¹³.

В 1843 году нельзя было говорить «она хорошо выглядит» — только «она хороша собою». «Выглядеть» в норме значило только «разглядеть», а выражение «она хорошо выглядит» воспринималось как неуместная *калька* с немецкого.

Нельзя было сказать: «Я вас так люблю!» Слово «так» обязательно требовало пояснения: «Я вас так люблю, как еще не любил никого».

Сейчас многих раздражает слово «обезбаливать» вместо нормативного «обезболивать» — а в 1843 году людей, оказывается, раздражало «обрабатывать» вместо «обработывать», и тем не менее оно давно стало нормой.

Пара глаголов «*обрабатывать*»/«*обработать*» — точно такая же, как и «*изготавливать*»/«*изготовить*» и «*забрасывать*»/«*забросить*», которые сейчас тоже, кажется, ни у кого не вызывают протеста. А еще существует ряд глаголов, где чередование *o/a* в корне не подчеркнуто ударением, но, по сути, той же природы: «*опаздывать*»/«*опоздать*», «*заглатывать*»/«*заглотить*», «*обматывать*»/«*обмотать*», «*осматривать*»/«*осмотреть*» и так далее.

Сейчас то же чередование появляется и в паре «*обезболивать*»/«*обезболить*», и у людей, которые употребляют форму с «*a*», вообще-то хорошо развито языковое чутье, ведь они интуитивно применяют к слову то правило, которое уже работает в похожих глаголах. Похоже, скоро нормой станет именно «*обезбаливать*», а «*обезболивать*», подобно «*обработывать*», будет считаться странным анахронизмом.

Так есть ли смысл ломать копыя из-за новых, непривычных слов или форм? То, что языку не нужно, уйдет само, а то, что по каким-то причинам (иногда одному языку известным) прижилось, все равно останется, несмотря на протесты.

Еще одна динамичная и неустойчивая область — *орфоэпия* (попросту говоря, нормы произношения и ударения).

Например, в старых фильмах, вышедших примерно до 60-х годов прошлого века, еще можно услышать произношение «*дожжи*» (вместо «*дожди*»), «*церьковь*», «*я боюс*»*, но сейчас

---

* Здесь я использую не классическую транскрипцию, а упрощенную орфографию, чтобы читателям, не знакомым с транскрипцией, было проще меня понять.

так почти никто уже не говорит. Многие примеры из словаря Греча, приведенные выше, тоже связаны с изменением орфоэпических норм («*настет*», «*наизуст*», «*волкан*» и др.). И, конечно, ударения во многих русских словах подвижны, и даже самые грамотные носители языка часто в них сомневаются и говорят то так, то эдак — но на коммуникацию это почти не влияет. Можно говорить то «*облэгчить*», то «*облегчить*» — и все всё поймут.

При этом вряд ли кто-то скажет «*книга́*» или «*телефон*» — а если и скажет, это будет однозначно расценено как ошибка, которую никакими изменениями языка оправдать не получится.

Следом по шкале языковой устойчивости идут некоторые аспекты грамматики. Хотя в целом грамматика меняется медленно, существуют некоторые ее области, которые трансформируются быстрее других.

Например, **род** некоторых существительных. «*Кроссовок*» или «*кроссовка*»? «*Туфель*» или «*туфля*»? «*Красивый тюль*» или «*красивая тюль*»? «*Шампунь*» — он или она? А «*мозоль*»? И, конечно, тут не обойтись без многострадального «*кофе*». На всякий случай: сейчас считаются правильными «*кроссовка*», «*туфля*», «*красивый тюль*». «*Шампунь*» — он, а «*мозоль*» — она. Ну а вопросу о «*кофе*» будет посвящен целый раздел 6 главы*.

---

* О формах слов может возникнуть много вопросов. Например, как правильно: «*лекторы*» или «*лектора*», «*директоры*» или «*директора*», «*грамм*» или «*граммов*», «*грузин*» или «*грузинов*», «*оладий*» или «*оладьев*», «*свеч*» или «*свечей*»? Ответы вы можете узнать, заглянув в современные словари или, например, на сайт «Грамота.ру» (<http://www.gramota.ru/>). На главной странице сайта вы увидите желтое окошко, куда можно вписать слово и получить о нем актуальную информацию из разных словарей. Также вы можете вписать слово в зеленое окошко, расположенное чуть ниже: тогда вы откроете ответы справочной службы, в которых встречается это слово.

Орфография же и пунктуация с естественным развитием языка связаны весьма опосредованно. Письменность — это изначально искусственный конструкт, специально созданный для записи речи, поэтому и про нарушения норм орфографии и пунктуации далеко не всегда можно сказать: «Это просто язык меняется!» Правила и нормы в этих сферах, конечно, тоже иногда трансформируются вслед за языком, но совсем не радикально и довольно медленно.

Любая условная система знаков обязательно должна быть унифицирована для того, чтобы ею было удобно пользоваться. Представьте, что будет, если, например, дорожные знаки нарисуют «как хочца», без единообразия. Последствия ошибок на письме, разумеется, не столь катастрофичны, но на качество коммуникации, на отношение к пишущему и даже на скорость чтения влияют существенно.

Однажды я провела со своими учениками эксперимент: попросила их прочесть два небольших текста похожего стиля и объема, только один был написан грамотно, а второй — с многочисленными орфографическими и пунктуационными ошибками. Мы засекали по секундомеру, сколько времени потребуется на чтение каждого из них, а затем сравнивали результаты. Так вот: на чтение текста с ошибками у детей уходило времени примерно в полтора, а то и в два раза больше. Вопроса, зачем нужно учить правила, у них больше не возникало.

* * *

Да, иногда сложно отличить настоящее изменение нормы от банальной ошибки.

Как разобраться, где развитие языка, а где его коверканье? Для этого нужно знать, какие области языка мобильны, а какие консервативны, понимать, что соответствует языковой логике, а что нет. А чтобы развить такого рода чутье, нужно интересоваться лингвистикой и иметь примерное представление об истории языка, в том числе об истории изменения его норм. И, конечно, читать грамотные тексты и качественную литературу, а не комментарии в соцсетях в стиле «фуу пре-скректевизм».

Эта книга — во всяком случае, первая ее часть — попытка пройти между молотом и наковальней, между пуризмом и отрицанием норм.

Конечно, как и у всех, у меня есть личные языковые симпатии и антипатии, и полностью скрыть их мне вряд ли удастся, ведь я человек, а не база данных. Но я постараюсь быть объективной — а насколько у меня это получится, судить вам.